

Виктор Степанович Перегудов родился в 1949 году в селе Песковатка Лискинского района Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Работал в воронежской газете «Молодой коммунар», журналах «Политическая работа», «Сельская молодежь», издательстве «Молодая гвардия». Занимал ответственные должности в ЦК ВЛКСМ, политических структурах, Совете Федерации РФ, мэрии Москвы. Публиковался во многих федеральных газетах и журналах. Автор семи книг прозы, в том числе «Великие сосны», «Семь тетрадей», «Сад золотой». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Виктор Перегудов

ЛУННЫЙ ДЫМ

* * *

Полотна, облака и белая река —
Серы, белы, легки. Непроницаемы.
Их месит в небесах гигантская рука —
Зачем и для чего, того не знаем мы.
Без отдыха летят, беззвучные, шуршат
Который день подряд, не мысля о ночлеге.
А на земле ворчат. Не каждый снегу рад.
Да почему, друзья? Поговорим о снеге.
Бессмертен белый снег, безудержен полет
Метели над землей по ветровым по тропам.
Проснусь — стучат в окно —

сон, явь ли, все равно,
Я подхожу к окну и спрашиваю: кто там?
А там снежинок рой танцует предо мной,
А там вершится жизнь снежинок

в жанре драмы,
И вижу я себя. На вьюжном фоне я.
Я отражен в стекле. Портрет в квадрате рамы.
Бессмертен белый снег.

Он скоро станет льдом,
А по весне — водой и вознесется паром
Над теплою землей, над нами, над тобой.
Ликуй же, белый снег! Дарован нам не даром
Наглядный твой урок,

пример твой непростой.
Он говорит о том, что снегопад не тризна.
Здесь, мудрый снег, постой,
поговорим с тобой,
И согласимся в том, что нет конца у жизни.

Во двор я вышел. Лето. Солнце. Ветер
 Качает тополя. Я рано встал.
 На утренней заре был запад светел,
 Восток был ал.
 Меж ними свод небесный серебрился,
 В зените перистые облака.
 Там самолетный след дугой завился,
 Как будто бы художника рука,
 Невидимая нам, его черкнула
 Уверенно на божьем полотне.
 И в круг косую линию замкнуло,
 И этот круг был предназначен мне:
 Послание свыше, круг есть жизни образ,
 Слияньем мысли с формой он хорош.
 Но ветер сотворил из круга кобру,
 Потом ее развеял, будто ложь.
 Все, значит, мимолетно, мысль и форма,
 И даже... Договаривай, не жмись!
 Я лег на землю. Надо мной просторно
 Ветра по небу над землей неслись.
 А по двору петух гулял, огромный
 И гордый, хоть царем его зови,
 И куры во дворе стонали томно
 В предчувствии любви.

* * *

Торфяники горели — бледный дым
 Накрыл Россию чуть не до Урала.
 Он над ночной рекой слоями плыл.
 Багровая луна в дыму стояла.
 Был високосный год. Просила мать
 Нас свадьбу нашу отложить на время.
 Но мы и дня не соглашались ждать,
 Любовное нас тяготило бремя.
 Нас берег звал. Уставшая река,
 Бессильная, катила струи тихо
 Теплее и нежнее молока.
 Нам никакое не грозило лихо.
 Ни душ оно не трогало, ни тел,
 Хотя томил нас смутно предрассудок,
 И високосный год в пожарах тлел,
 Сжигая череду коротких суток.
 Теперь река струится далеко,
 А было время — лунный дым качала,
 Я так любил — и страстно, и легко,
 И нежно так жена меня ласкала.

Средь мыслей многих, иногда случайных,
Летающих стаей, льющихся рекой,
Меж мимолетных, радостных, отчаянных,
Одна хранит надежно мой покой.

В спор не вступив с усталостью привычной
От быта, от забот, от злобы дней,
Она, я бы сказал, философична.
Она проста, и я согласен с ней.

Вот я пишу. Молчу. Страдаю. Верю,
Тревожен я во сне, но наяву
Я знаю: предо мной открыты двери —
«На старости я сызнава живу».

И эта жизнь не суррогат, не грезы,
Не старый ностальгический альбом,
Не мой дневник, не крик, не стон, не слезы —
Все это совершенно не о том.

Все сызнава. Все в первый раз. Я вижу,
Что мама молода. Ей двадцать два.
Я к ней иду. Я ближе, ближе, ближе,
Хотя ходить могу едва-едва.

Мне полтора. Я под небесной высью
Шагаю к маме. С мамой мы в саду.
И я всего одною занят мыслью:
Лет через сто я вновь сюда приду

Увидеть маму.

И вот они порхают близко, рядом,
Предвижу их. Их ждут мои глаза.
Они летят над домом и над садом,
Перед лицом летят они и за
Моим окном. Еще виденья смутны,
Я в полусне иль в полуяви я.
Да. Нет. Проснулся. Первые минуты.
Вот за окном возвращается земля.
А над землей, смотрю я, кисти-листья,
Парит большой смородиновый куст —
Обильный, мокрый. Он летит небыстро,
Но все же до него не дотянусь.
Да я и не стремлюсь. Они бесплотны,
Видения. Материальна грусть.

Вот волны облаков качают лодку,
Вот кверху пузом самолет летит,
Вот завершает футболист обводку,
Вот парень по-особому глядит
На девушку... Она его? Едва ли?
Она от рака в двадцать лет умрет.
Большая жизнь. Ей меньше отпускали.
Вот по реке небесный пароход
Плывет из порта Лиски к порту Щучье.
Вот дед слепой тропинку не найдет,
Стоит, ногой дорогу не нащупав.
Ждет. Кто-нибудь до дома доведет.
Что делать мне? Вот я ступил на небо,
Вот подхожу. Вот слышу: «Витька, ты?
Тебя я чувю. Ты б сходил за хлебом?
Ты бы полил смородины кусты?»
Я отвечаю, что иду из лавки,
Что хлеба и халвы ему купил.
Что у прилавка приключилась давка
И что про спички я не позабыл.
Он на ходу как будто засыпает,
Как будто дремлет дед мой на ходу...
На старости не то еще бывает.
Я оглянулся. Я домой иду.
Верней, лечу. Мое окно открыто.
Я будто тень скользнул в уютный дом.
Из облака, что вихрями изрыто.
Что видел я еще, скажу потом.

Там хорошо. Но в этой жизни лучше.

* * *

Был мне сон: я бегу по траве,
По широкому дивному полю,
Чуб волной на моей голове:
Я почувствовал вольную волю!

Шмель отстал, а головки цветов
Ветер клонит с размаху на стеблях.
И до края земли я готов
Добежать. Я умею! Я верю!

Я ведь парень довольно большой:
Семь годов мне исполнится скоро!
С этих лет повзрослевшей душой
Не люблю я пустых разговоров.

Ни отец не указ мне, ни мать,
Да и где он, отец разудалый...

Так мне хочется полем бежать,
За судьбой, за удачей, за славой!

В сладкой дреме я слышу слова
Милой мамы: «Усни, бога ради.
Беспокойная ты голова,
Спи, родимый. Набегался за день.

Я пораньше тебя подниму,
Лишь управится с ночью рассвет,
Спишь ли, нет ли, никак не пойму...»
...Я проснулся. Мне семьдесят лет.

* * *

Ночью не спится, а днем поплывешь в дивную эту страну.
Все здесь живые. Ты всех узнаешь, внемя доверчиво сну.
Все здесь понятны. В рисунке черты — каждой проявлен здесь лик
Темной иль светлой свободной души. Видеть ее не привык
Ты беззащитной, как видишь сейчас в дерзком своем забытьи.
Мертвые души. Неслышимый крик. Вечные души мои.